

Было довольно интересно, даже несмотря на некоторое расстояние, это не мешало Цзин Тяньюэ любоваться Сяо Жун. С головы до ног, от лица до позы, в которой она курила, и до её подтянутой фигуры — даже шорты на ней выглядели с непринуждённой ленью.

Ступни в сланцах светились белизной.

Сяо Жун выкурила полсигареты, затем повернулась и поднялась наверх. На её шее всё ещё оставался след от помады, визажист сказал, что не стоит его стирать, ведь съёмки продолжатся.

Поднимаясь по лестнице, она заметила Цзин Тяньюэ и на мгновение замерла.

Цзин Тяньюэ обернулась и улыбнулась ей, её ярко-красные губы изогнулись. Сяо Жун вспомнила ощущение этих губ и, опустив голову, молча обошла Цзин Тяньюэ.

Цзин Тяньюэ вздохнула про себя, впервые почувствовав, что она, возможно, раздражает.

Но что поделать, коллегам всё равно приходилось продолжать играть.

Наступил вечер, в грохоте грома они вернулись к прежней сцене. Сяо Жун смотрела на Цзин Тяньюэ, чьё платье прикрывало лишь половину груди, и сжала губы. Фан Чунмэй объясняла им, как лучше позировать, чтобы выглядеть красиво.

— Ногти на ногах Тяньюэ слишком красные, — вздохнула она. — Эй, там, снимите немного лака, они не должны быть такими аккуратными.

— Сяо Жун, ты потом схватишь её за волосы и поцелуешь, посильнее.

Сяо Жун моргнула, растерянно произнесла:

— Но это же будет больно.

— Ты что, глупая? Просто сделай вид, а если схватишь по-настоящему, я тебя точно пну.

Цзин Тяньюэ рассмеялась. Сяо Жун взглянула на её ноги, где сотрудники уже начали снимать лак, чтобы он выглядел естественно облупившимся. Цзин Тяньюэ только что помыла ноги, и теперь ей снова предстояло наносить грязный макияж.

Чжоу Чжоу, стоя рядом с Пузырьком, болтала:

— Вот это шик, даже ножкам нужен макияж.

Пузырёк думал, что позы на кровати были просто неопишуты. Две невероятно красивые девушки вместе создавали взрывную смесь, и было непонятно, на что смотреть: на их лица, позы или сюжет.

— Ты потом схватишь меня за волосы у уха, — Цзин Тяньюэ взяла руку Сяо Жун. — Вот здесь, поняла?

Сяо Жун кивнула, выглядев немного заторможенной.

— Ах да, посильнее, Сяо Жун, я чувствую твою энергию, попробуй выйти за пределы.

Фан Чунмэй добавила:

— Эмоции всё равно должны быть на поверхности.

Съёмки начались. Сяо Жун наклонилась над Цзин Тяньюэ, чтобы поцеловать её. Ненависть Сяо Юй переливалась через край. Она ненавидела отца за его увлечение такими женщинами, ненавидела разрушенную семью, ненавидела себя, разбитую и превратившуюся в таракана, живущего в чужой комнате.

Женщина, которую она целовала, казалось, наслаждалась этим. Она закрыла глаза, её руки скользили по коже.

Очень щекотно, хотелось продолжать.

Ненависть утихла, на её место пришло желание. Она схватила Ту Цзинь за волосы, зло укусила её губу, затем шею, перемещаясь то туда, то сюда.

Снаружи бушевал дождь, гром разрывал ночь. В комнате без света две женщины сплетались воедино, раскаты грома смешивались с тихими стонами и удовольствием, словно кто-то достиг желаемого, а кто-то погрузился в бездну.

На первый взгляд, эта сцена казалась управляемой Сяо Юй, но на самом деле всё контролировала Ту Цзинь, от громких криков до извивающихся тел... Сяо Жун чувствовала, как всё её тело зудит, словно по нему ползают муравьи.

Цзин Тяньюэ полностью укрылась одеялом, Ту Цзинь собиралась поцеловать ногу Сяо Юй, но Цзин Тяньюэ не поцеловала её, лишь провела рукой. Сяо Жун чуть не подпрыгнула, но её снова потянули за лодыжку вниз.

Из-за того, что выражение лица Сяо Жун не соответствовало ожиданиям, Фан Чунмэй крикнула:

— Стоп!

Снова и снова, чего-то не хватало.

Фан Чунмэй не решалась спросить, есть ли у неё опыт, но все присутствующие чувствовали это.

Сяо Жун была так смущена, что готова была выпрыгнуть в окно. В итоге Цзин Тяньюэ сказала:

— Режиссёр, выйдите, я побуду с Сяо Жун наедине.

Сяо Жун стала ещё более напряжённой.

Цзин Тяньюэ села на край кровати, тоже чувствуя головную боль.

— Даже если мы обе женщины, я не могу с тобой попробовать на практике, чтобы понять ощущения, правда?

Сяо Жун сидела на краю кровати, декорации были намеренно сделаны старыми, но, находясь в реальном доме, всё равно чувствовался запах давно нежилого помещения.

Она вздохнула и произнесла:

— Простите.

Цзин Тяньюэ накинула тонкий кардиган, не застёгивая его, и облокотилась на стену.

— Извинения бесполезны, просто сыграй хорошо.

Её тон не выдавал эмоций, Сяо Жун боялась смотреть на неё.

Она сильно нервничала, и, когда нервничала, сжимала кулаки. Цзин Тяньюэ, видя, как она напрягается, сказала:

— Даже если у тебя не было опыта, это кино, а не настоящее порно.

— Нужно просто передать ощущение.

После того как все ушли, остались только они, но оборудование всё ещё было на месте. Цзин Тяньюэ подошла к сумке Чжоу Чжоу, достала оттуда сигарету.

Сяо Жун украдкой смотрела на неё, но Цзин Тяньюэ заметила это, обернувшись.

— Куришь?

Сяо Жун покачала головой.

— Только что курила.

— Я знаю.

Цзин Тяньюэ долго прикуривала. Когда она узнала об измене Цинь Мянью, то курила как сумасшедшая, пока брат не отругал её, заставив остановиться.

Он сказал, что она выглядит ужасно.

Прошло уже почти полгода, после развода жизнь была скучной. Всё, чего она хотела с детства, давалось ей слишком легко, поэтому ничто не вызывало у неё интереса.

Актёрская игра была одним из немногих исключений.

Небеса дали ей многое, что другие могли только мечтать: происхождение, красоту, талант к актёрству, но не подарили ей хороших отношений.

Всё имеет свои пределы, даже чувства.

За годы работы Цзин Тяньюэ сыграла множество ролей, в том числе и маргинальных персонажей. Ту Цзинь не была самой откровенной, она также играла проституток, стереотипных персонажей.

Она не испытывала радости от долгой карьеры статиста, которая внезапно превратилась в славу, и не знала, каково это — стать знаменитой за одну ночь. Её характер был как у бомбы, но внутри она чувствовала себя опустошённой.

Она согласилась на сценарий Фан Чунмэй из чувства благодарности, но сценарий Фан Чунмэй её не разочаровал.

Сценарист был опытным, и роль была интересной.

Цзин Тяньюэ перечитала её несколько раз. В первый раз она подумала, что это просто история о лесбиянках, которые не сошлись, но при повторном прочтении она почувствовала глубину персонажей.

Раньше её часто критиковали за игру в любовных сценах, фильмы, которые принесли ей признание как сильной актрисе, не имели любовных линий.

Поэтому она не сдавалась, позже сыграла много ролей, заставив многих замолчать, но сама она, или более строгие критики, знали, что ей не хватало огня.

Любовь — это пламя. Её собственные отношения были ужасны, Цинь Мянью говорил, что она его не любит.

Цзин Тяньюэ не понимала, до сих пор не могла понять, почему Цинь Мянью её не любил. Разве она плохо к нему относилась? Она вышла за него замуж, хотела построить с ним жизнь, поддерживала его карьеру.

Почему всё закончилось так?

Когда она задала этот вопрос Гао Цзин, та тоже промолчала.

Цзин Тяньюэ почувствовала, что её подруга что-то недоговаривает.

Хотя они вместе ругали Цинь Мянью, даже близкие друзья не знали, как оценить этот внешне роскошный брак.

Цзин Тяньюэ не могла быть покорной, даже вращаясь вокруг других, она всё равно оставалась яркой звездой.

Она играла домохозяйку, вживаясь в роль, но вне съёмочной площадки оставалась собой. Теперь, играя проститутку, она чувствовала лёгкость, но также и некоторое замешательство.

Редкое замешательство.

Похожее на то, что она испытывала в подростковом возрасте, когда только начала заниматься актёрством.

Она не могла понять, почему Сяо Жун так скованна, хотя и могла понять, что это её первая роль, да ещё и откровенная. На самом деле Сяо Жун играла хорошо, в какой-то момент она чуть не увлеклась её игрой.

В глазах девушки горел огонь, молчаливый и потому ещё более опасный, легко способный разгореться в пламя.

Цзин Тяньюэ стояла в стороне и курила. Окно было новым, говорили, что этот старый дом давно не ремонтировали, но ежегодные съёмки привели к тому, что он приобрёл уникальный стиль.

Витражи на окнах ещё не были протёрты, снаружи бушевали дождь и гром.

Сяо Жун смотрела на Цзин Тяньюэ, стоящую у окна, и чувствовала, что она курит с какой-то грустью.

Сяо Жун не понимала, почему Цзин Тяньюэ так себя ведёт. Она чувствовала себя крайне

виноватой, даже если оставить в стороне её личные чувства, она понимала, что подводит её как коллегу.

После долгого колебания она подошла и, набравшись смелости, спросила:

— Что не так с моим выражением лица?

Её голос был чистым и приятным, как ручей. Цзин Тяньюэ повернулась, их взгляды встретились. Тот пыл, который чуть не увлёк Цзин Тяньюэ, исчез, сменившись осторожным взглядом младшей коллеги на старшую.

Спасибо всем за комментарии! Как же быстро появились мамские фанатки! И кто-то уже просит побочную историю про любовь внутри группы! Вы тоже быстрые.

Эх, главу заблокировали, вы видите немного изменённую версию, но это не страшно.

<http://bllate.org/book/17670/1646884>